

№ 116 (вероятно, нач. XIII в.) [3]. Запись сделана на стенке берестяного тусеса. Издатели прочли ее как **лѣшеван**. Но при этом осталась неопознанной еще одна буква перед этим словом: ѿ. В действительности это два слова, из которых второе осталось недописанным: *Ѿлѣшева н*. Это владельческая запись человека по имени *Ѿлѣшь*, а сам предмет назывался каким-то словом женского рода, начинающимся на *н* (впрочем, нельзя исключать, что на *н* начиналось и что-то иное, например, ‘не трогать’). Документ принадлежит к тому же ряду владельческих записей на частях берестяного тусеса, что *Ѿедокино лоужкошеко* в № 599, *Воубоуѣдино лоужньчо* в № 957 и *(Данилово л...* в № 1056.

Имя *Ѿлѣшь* — одно из гипокористических от *Олуферш*; см. о таких именах выше, в комментариях к грамоте № 959.

№ 122 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.; Д 1) [3]. Для *позъвале* ‘вызвал на суд’ ср. ниже комментарий к грамоте № 416.

№ 123 (3 четв. XI в.; А 25) [Г]. Последовательность ...[-*непсь*[ъ], которой текст грамоты должен был заканчиваться, до последнего времени не находила объяснения. Вероятное решение было подсказано находкой грамоты № 957, представляющей собой надпись на крышке берестяного лукошка и заканчивающейся упоминанием имени писавшего: *А Шьвько шль*. Можно думать, что аналогичную концовку имела и грамота № 123: на *-не* в таком случае заканчивалось имя писца (типа *Иване*, *Жьдане*), тогда как *псь* было использовано как сокращение для *псалъ*. Такое же сокращение данной словоформы демонстрирует надпись № 189 в новгородском Софийском соборе (сохранившаяся, правда, только в прорисовке [Медынцева 1978: 275]).

№ 129 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Д 1) [Г]. Слово *пуху*, прочитанное в седьмой строке первого отрывка грамоты В. Э. Орлом и Р. Торпусман (1995: 273), было истолковано ими как название «еще одного товара, который Есиф обещает Фоме». Между тем «пух» в данном контексте, несомненно, следует понимать как мех для оторочки упомянутых овечьих шуб, ср. примеры из Слов. XI–XVII (21: 69): *а шюбы бораньи носити безъ пуху*; *исподъ* (к шубе) *подложень бѣлей хрептовой новой, на ожерелье и на пухъ вышло три бобра*. Это делает неприемлемой предлагаемую исследователями конъектуру, призванную соединить первый отрывок со вторым: «по шубѣ сошьемъ, а пуху (тобѣ присъ)лемъ» (Орел, Торпусман 1995: 273). С другой стороны, как видно на новом снимке документа, исход глагольной словоформы не может быть транскрибирован ни как *-лемъ*, ни как *-[ь]ѣмъ* (согласно транскрипции в ДНД₂). Приведем фотографию этого фрагмента.

Трактовка вертикального штриха слева от *е* как мачты *к* делает необъяснимым предшествующий ему левонаклонный штрих, которому, в свою очередь, предшествует уверенно читаемое *у*. Единственной непротиворечивой интерпретацией для этих двух штрихов оказывается трактовка их как ножек высокого *д* (для которого на снимке сразу же отыскивается и подходящая горизонталь). Глагольная словоформа, таким образом, заканчивалась на *-удемъ*.

Имея в виду первый из приведенных выше примеров, в котором упоминаются бараньи шубы «без пуха», можно было бы предложить конъектуру *А пуху* (*дѣлать не бѣудемъ*). От нее, однако, следует отказаться по хронологическим соображениям: употребление *будемъ* с инфинитивом в документе начала XV в. почти на столетие опережало бы первые достоверные примеры данной конструкции в великорусских текстах. Во всех отношениях удовлетворительное решение мы получаем, между тем, предположив, что в грамоте был употреблен не глагол *быти*, но приставочное образование от него: *А пуху* (*здѣсе добѣудемъ*). Это решение вполне отвечает и прагматике грамоты: находящегося в Новгороде Фому Есиф просит прислать обработанные овечьи шкуры, чтобы сшить из них себе и брату по шубе. Мех же для оторочки этих шуб он рассчитывает добыть там, где сам в настоящее время находится, —

вероятно, где-то на периферии Новгородской земли. Замечательно, что точно такой же ход мысли Есиф демонстрирует и в другом письме Фоме, когда пишет, в связи с предстоящей поездкой на Водлу: *а судно ꙗсть у мене, а хлѣбѣ сухѣи су, и тѣ саме ѿпразновавъ да пождь сѣмь, а хлѣбе здѣсе в...*

Во фразе *А Юблу п[рова]дил л...* (или *п[рова]дил...*) после *л* на снимке отчетливо различим верх от *е* или *с*, который в данном положении может принадлежать только первому. Малочисленность слов, начинающихся на *ле-*, и, напротив, высокая частотность *-ле* как исхода глагольной словоформы делают весьма вероятным, что в тексте была употреблена форма 1-го или 2-го л. ед. числа *провадиле есмь/еси*. Тот факт, что связка-энклитика оказывается при такой реконструкции не на второй позиции во фразе, объясним наличием ритмико-синтаксического барьера, отделяющего начальное *А Юблу* как формулировку темы высказывания; ср. в № 196: *а рожь Петрову // повелело есмь измолотиво Кривѣ дати* (ДНД₂: 187). Если так, то словоформу *Юблу* следует трактовать скорее как В. ед. от *Юбла*, чем как Д. ед. от *Юблъ*. В пользу такой трактовки говорит и следующее обстоятельство. Читаемая на обороте грамоты заключительная фраза — *А иноу все добро здорово здѣсе* — предполагает, что ей предшествовала не инструкция, но сообщение какой-то информации, причем отрицательного свойства (ср. письмо № 122, где такая же концовка следует за напоминанием о вызове в суд). От этого сообщения сохранился конечный фрагмент *...ть виновату*, для которого, с учетом сочетаемости данного прилагательного в берестяных грамотах, высоковероятной представляется конъектура *... (творя)ть виноваѣ ту*. Речь, несомненно, шла о женщине, которая должна была быть названа в начале фразы. На эту роль хорошо подходит *Юбла*, о которой выше сказано: *А Юблу провадиле (ѣсмь / ѣси...)*. С учетом букв, сохранившихся от последней строки на лицевой стороне письма, для фразы в целом можно предложить следующую реконструкцию: *А Юблу п[рова]дил[е] (ѣсмь) ...ь, а па(къ творя)ть виноваѣ ту* ‘А Юблу я отправил [куда-то] (или прогнал), а она, говорят, опять задолжала’. Такая реконструкция кажется тем более вероятной, что в предыдущей фразе Есиф предлагает брату следить за некоей Таньей, чтобы она «не блудила чего зря», т. е., согласно переводу в ДНД, ‘не занималась темными делами’.

О том, что последняя строка на лицевой стороне письма действительно была последней, говорит изменившийся характер письма — существенно меньший размер букв (особенно второго *а*, самого мелкого во всей грамоте) и прочерченные с ослабевающим нажимом короткие вертикальные штрихи *п* — писавший явно упирался в край берестяного листа.

Приводим скорректированное чтение всей грамоты № 219 (с конъектурами).

Внутренняя сторона

цолобитыѣ ѿ ꙗсифѣ
 а брату своѣму фоѣ
 мѣ цо бѣ ꙗси прислаѣ
 ль восъку да мѣла дѣ
 а овьцини добро
 {сошыѣ} по шубѣ соѣ
 шыѣмъ а п[уху] (зд)ѣ
 (ѣсе доб)у[д]ѣмъ
 да переслъшиваи
 о таны цо бѣ не бѣ
 лодила цого зра
 только поцьне
 продавати тобѣ
 и тѣ у ꙗи купи а юбѣ
 лу п[рова]дил[е] (ѣсмь)
 -----ь а па(къ творя)ѣ

Внешняя сторона

ть виноваѣ а иноу
 все добро здорово
 здѣсе